

Н.П. Васильев

Правда о кадетях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Васильев**
Правда о кадетах / Н.П. Васильев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-517-96472-4

ISBN 978-5-517-96472-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и жалованья прибавять, да и полиція будетъ «меньше безобразить». «Помилуйте!—говорять такіе кадеты,—хозяйинъ намедня-сь напился сверхъ всякаго безобразія, и хоть бы что! А мы, маленькіе люди, чуть гдѣ въ ресторанѣ развернешься, сейчасъ тебя въ участокъ! Развѣ въ Европѣ такіе порядки?!»

Словомъ, все это крыло было бы правильнѣе назвать отчасти оппозиціей по необходимости, въ силу ряда нецѣлостей русской дѣйствительности, отчасти кадетами во имя всякаго рода практическихъ чаяній. Сюда, поэтому, причисляютъ себя и члены тѣхъ учреждений, гдѣ председатель кадетъ; сюда же относятся и всѣ тѣ, кто, по составу своего знакомства, считаетъ для себя неудобнымъ въ минуты, когда, можно сказать, «дѣлается русская исторія», не быть, по крайней мѣрѣ, кадетомъ; сюда относятся, наконецъ, и всѣ тѣ, кто, въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, обыкновенно же по собственной вѣнѣ, остался неустроеннымъ или недостаточно устроеннымъ, и ждетъ отъ новаго порядка вещей самыхъ крупныхъ благъ. Такіе, конечно, пальца о палець не ударятъ даже во имя того же «новаго» порядка, но не прочь заранѣе приобрести къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, сумѣетъ его устроить. На всякій случай. Тѣмъ болѣе, что такіе обыкновенно рѣшительно ничѣмъ не рискуютъ.

Именно эта группа и составляетъ главный фондъ партіи, тотъ фондъ, на которомъ центръ партіи строитъ всѣ свои расчеты. Какъ увидимъ дальше, иногда не совсѣмъ удачно....

Еще подробность, которая можетъ быть не лишней для характеристики этого праваго крыла. Именно въ составъ этой группы сейчасъ послѣ 17-го октября вошли всѣ тѣ помѣщичьи элементы, которые, отбившись отъ дворянскихъ традицій, но не успѣвъ достичь большихъ успѣховъ по службѣ или въ дѣлахъ, повѣрили въ звѣзду «фютюрь-министровъ» и поэтому на всѣ голоса вдругъ закричали о безотвѣтственной бюрократіи, о nepотизмѣ,

царящемъ въ правящихъ кругахъ, о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, о произволѣ властей, о голодномъ вужикѣ и т. д. Казалось, что вдругъ у этой значительной части общества отерлись какимъ-то чудомъ глаза и то, что пришлось увидать этимъ вдругъ прозрѣвшимъ глазамъ, заставило вострепнуться сердца и пробудило совершенно исключительное по силѣ чувство любви къ родинѣ. Но шли дни, и совершались событія. Оказалось, что однимъ изъ возможныхъ слѣдствій этихъ дней является опасность потерять наслѣдственные земли и ужь, во всякомъ случаѣ, не получить полностью аренды. Немедленно эта группа оппозиционеровъ забыла свои недавніе клики и возгласы и такой же шумной гурьбой, какой вошла въ правое крыло кадетовъ, вышла изъ его состава, разбрелся затѣмъ по разнымъ болѣе консервативнымъ партіямъ, до самыхъ крайнихъ включительно.

Фактъ несомнѣнный и очень любопытный. Онъ подчеркиваетъ правильность нашего опредѣленія истинной сущности праваго крыла кадетовъ. Это не политическая группа въ смыслѣ объединенія на почвѣ именно данной, а не какой либо другой политической программы. Это просто группа людей практическихъ чашій.

Но если все это и такъ, то почему же, спрашивается, тѣмъ не менѣе, платформой, объединяющей эти различныя группы, явилась именно кадетская программа, а не какая либо другая? Только потому, что ни одна програма не являлась въ такой мѣрѣ специально для этой цѣли принаровленной, какъ программа кадетовъ.

О программахъ правыхъ партій въ данномъ случаѣ говорить не приходится. Правыя партіи не могли, конечно, имѣть никакого успѣха тамъ, гдѣ основнымъ мотивомъ, около котораго нарастали настроенія, было недовольство существующимъ строемъ и, слѣдовательно, его представителями—правительствомъ. О программахъ партій явно революціонныхъ также говорить не приходится. Недѣ влияніемъ переломной передъ и послѣ 17-го октября су-

интересъ, несомненно опредѣлился весьма значительный интересъ къ революціоннымъ партиямъ, къ ихъ организаціи, стремленіямъ и программамъ. Но революціонеры несли съ собою кровь и разрушеніе. Отъ интереса къ нимъ и даже сочувствія до участія въ партиі, конечно, очень далеко. Между тѣмъ, рядомъ съ революціонерами, почти бокъ о бокъ съ ними, открылась лавочка, въ которой предлагали не только такой же, но во многихъ отношеніяхъ и болѣе соответствующій привычкамъ и наклонностямъ товаръ, и притомъ куда но болѣе дешевой цѣнѣ. Революціонеры говорили о немедленномъ улучшеніи рабочаго быта, но грозили потоками крови, а въ кадетской лавочкѣ предлагали то же улучшеніе, но достигнутое мирнымъ путемъ. Революціонеры предлагали обезнечить крестьянъ землею, но хотѣли тутъ же разорить для этой цѣли всѣхъ помѣщиковъ, а въ кадетской лавочкѣ предлагали и землю и «справедливое вознагражденіе». Революціонеры кричали о семи свободахъ, но грозили убить каждаго, кто съ ними не во всемъ согласенъ, а въ кадетской лавочкѣ предлагали тѣ же семь свободъ и притомъ никого убивать не грозили, а товаръ свой предлагали вѣжливо, деликатно, твердо памятуя, что покупатель любитъ уваженіе.

Чего только не было въ этой кадетской лавочкѣ? Рѣшительно все, что такъ или иначе могло войти въ сферу практическихъ чаяній. Для евреевъ—равноправіе, для поляковъ—автономія, для армянъ—чуть ли не подчиненіе имъ магометанъ, для магометанъ—чуть ли не подчиненіе имъ армянъ, для приказчиковъ—воскресный отдыхъ и «улучшеніе быта», для купцовъ—новая финансовая система, а для основной массы населенія, т. е. для крестьянства,—«земля и воля». А главное—земля... «Земля, земля, земля!»—такъ громко и торжественно не кричали, вѣроятно, даже спутники Колумба, когда увидали землю послѣ долгаго и опаснаго плаванія по океану.

Для всѣхъ вообще въ этой лавочкѣ имѣлся еще и особый, такъ сказать, «завѣтный товаръ». Онъ предлагался изъ-подъ полы, но о немъ ходили легенды изъ усть въ уста, и каждый постепенно узнавалъ, что этимъ товаромъ торгуютъ только у кадетовъ. Товаръ этотъ — «фьюроръ-министры», т. е. совокупность «именъ», басня о томъ, что ни одна партія не можетъ выставить такихъ удивительныхъ, замѣчательныхъ, всему міру извѣстныхъ, геніальныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безкорыстныхъ, самоотверженныхъ и обожающихъ родину людей, какихъ сколько угодно въ партіи народной свободы.

Время отъ времени и въ этой торговлѣ прорывались недочеты: одни обѣщанія становились въ противорѣчіе съ другими. Но тамъ, гдѣ весь товаръ состоитъ исключительно изъ обѣщаній, съ такими пустяками, какъ противорѣчіе однихъ обѣщаній другимъ, справиться, конечно, легко. Если кого-либо смущало, напримѣръ, что изъ семи свободъ, парламентаризма и автономіи можетъ получиться что-то вродѣ республики, кадеты клятвенно увѣряли, что они монархисты, и ссылались на то, что ихъ партія называется не просто конституціонной, а конституціонно-монархическо-демократической. Если кто-либо начиналъ очень волноваться при мысли, что автономія Польши легко приведетъ къ отдѣленію ея отъ Россіи, въ лавочкѣ увѣряли, что ихъ автономія совсѣмъ особая, способная только укрѣпить связь Польши съ Россіей, но ужъ никакъ не ослабитъ эту связь. Республиканцамъ же и сторонникамъ польской независимости они при этомъ подмигивали, а если это не помогало, то вступали съ ними въ особыя негласныя соглашенія.

При такихъ условіяхъ, очевидно, только тѣ, кто обладаетъ отъ природы особымъ революціоннымъ темпераментомъ, могъ предпочесть партіи народной свободы какую либо явно революціонную партію. Очевидно также, что всѣ, кого обуревали тѣ или иныя практическія чаянія, но кто вмѣстѣ съ тѣмъ не считалъ, что ему уже и сейчасъ

хочется очутиться гдѣ-нибудь на Карѣ или въ Крестахъ, слѣзши въ кадетскую лавочку.

Конкурировать съ кадетской лавочкой могъ бы, конечно, въ виду всего сказаннаго, только одинъ союзъ 17-го октября. Но союзъ выступилъ съ слишкомъ опредѣленной политической программой, имѣвшей явно дѣловой характеръ. Платформа, которая менѣе всякой другой способна объединить массы. Программа союза рассчитывала на умъ, а не на чувство. Она стремилась дать каждому вопросу болѣе или менѣе опредѣленные контуры. Не было простора ни для какихъ неясныхъ, но тѣмъ болѣе дразнящихъ надеждъ. Самая постановка вопросовъ въ этой программѣ была по преимуществу дѣловая. Имѣлось въ виду не соблазнять людей, а призывать ихъ къ обновленію Россіи и къ улучшенію различныхъ частей ея управленія. По цѣлому ряду вопросовъ программа союза даже близко подходила къ ярлычкамъ, налѣпленнымъ на тѣ же вопросы въ кадетской лавочкѣ, но не было главнаго—не было той общей атмосферы полулжи-полуправды, которая волнуетъ кровь, дѣйствуетъ на воображеніе, разжигаетъ страсти, окрыляетъ надежды.

Не было и «завѣтнаго товара». «Фютюръ-министры», о которыхъ уже слагались цѣлыя легенды, стараніями еврейской печати, были издавна выдвинуты на авансцену политической жизни. Рядомъ пріемовъ, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ мы поговоримъ подробно, сами «фютюръ-министры» также не мало сдѣлали для украшенія и распространенія этихъ легендъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ никто, даже тѣ, кто уже тогда имѣлъ вполнѣ точное представленіе объ истинныхъ достоинствахъ этихъ «фютюръ-министровъ», не могъ представить никакихъ наглядныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ въ опроверженіе легендъ объ ихъ исключительной работоспособности, особыхъ талантахъ и государственномъ умѣ. Вѣдь эти господа еще никогда не участвовали въ управленіи. Они до тѣхъ поръ только критиковали. А критиковали они настойчиво, на-

воливно, шумливо, такъ что повсюду изъ истребъ застрели у всѣхъ въ ухахъ.

Въ это же время тѣ истребъ, которыя представлялись союзомъ 17 октября и съ которыми связывалось представление о дѣловой, сухой программѣ, уже такъ или иначе были причастны къ управленію; слѣдовательно, хотя бы въ известной мѣрѣ оказывались въ кругѣ тѣхъ, которыя оппозиціоннаго настроенія противъ которыхъ и опредѣлялъ собой политическій моментъ.

Такимъ образомъ, единственный конкурентъ, который могъ бы соперничать съ кадетами, постепенно сталъ терять шансы. Естественно, если тѣмъ неудержимѣе появлялись покупатели въ кадетскую лавочку...

Таковъ правый флангъ партіи народной свободы. Ясно, что, въ качествѣ группы не преимуществу практически чуждѣй, этотъ флангъ въ значительномъ большинствѣ своего состава принадлежалъ скорѣе къ пассивному кадетству, чѣмъ къ активному. Онъ изображалъ собой въ глазахъ центра, т. е. лидеровъ и ихъ свиты, спеническую толпу, лицъ безъ рѣчей, тѣхъ, отъ кого ждали голосовъ на выборахъ, если можно и сколько можно — пожертвовацій и время отъ времени — одобрительнаго гула.

Конечно, прилагались всѣ усилія, чтобы вызвать также хоть нѣкоторое напряженіе революціонной энергіи. Если не для проявленія ея во видѣ, то хотя бы въ качествѣ нѣкотораго запаснаго капитала. Центръ пошмалъ, что время отъ времени полезно потрясать хотя бы бутфорскимъ громомъ. Слѣдовательно, наличность хоть какагонибудь, хоть игрушечнаго электричества, была бы весьма на руку.

Въ этомъ отношеніи, однако, правый флангъ оказывался изъ рукъ вонъ плохимъ. Отдавая голоса и сочувствіе, а тѣмъ болѣе нѣкоторую сумму денегъ, онъ былъ увѣренъ, что этимъ уже купилъ свое право на полученіе отъ центра всякихъ благъ и при томъ, по крайней мѣрѣ, стоицей противъ того, что было снесено къ ногамъ центра.

Малейшее промедление уже вызывало раздражение и, конечно, не только против правительства, которое, очевидно, вздумало серьезно сопротивляться, но и против центра партии, который что-то не умелеть взять «быка за рога». Правда, время от времени, кое-какие из группы этого правого фланга любими, возмущаясь, грозят: «Если моль такъ будетъ и дальше, мы всё какъ одинъ человекъ пойдёмъ на баррикады». Но этотъ негодующий возгласъ тонуть въ общемъ хорѣ остальныхъ голосовъ того же фланга: «Просто, знаете, эти кадеты — одинъ обманъ...»

И при этомъ, конечно, забывалось, что сами же они, т. е. тѣ, кто говоритъ это, состоятъ именно въ кадетахъ...

II.

Советы шее представляет собой лѣвое крыло партии.

Оно состоитъ изъ людей воспламененныхъ, въ людяхъ, въ такой мѣрѣ ненавидящихъ существующее правительство, что когда они говорятъ о немъ, глаза ихъ принимаютъ рубиновый отблескъ, лица искупаются, а некоторые даже начинаютъ какъ бы подергивать.

Они ненавидятъ правительство, какъ господство дворянскаго класса, какъ организацию, которая состоитъ именно нихъ и не намерена включать ихъ въ свой кругъ. Ихъ раздражаетъ и оскорбляетъ мысль, что она, такіе умные и такіе талантливые, навсегда осуждены оставаться среди условій своего происхожденія, своего быта, своихъ интересовъ, а въ это время ихъ товарищи по университетской скамьѣ, менѣе ихъ учившіеся и менѣе одаренные, самымъ фактомъ принадлежности къ правящимъ кругамъ, чуть ли не со школьной скамьи приобщаются къ советамъ особымъ сферамъ. Ихъ возмущаетъ мысль, что тамъ, «наверху», о которомъ, впрочемъ, они ничего не знаютъ, кроетъ мелкихъ, чисто умныхъ слепецовъ, существуютъ обширныя группы людей, позволяющихъ себѣ смѣшивать

ихъ со всей остальной массой. Тамъ «на верху»—вѣчный праздникъ и упрямое стремленіе держать ихъ, талантливыхъ и рвущихся къ большимъ дѣламъ, на почтительномъ отъ себя разстояніи.

Подавляющее большинство этой группы, конечно,—евреи. Именно, какъ мы выше сказали,—воинствующая часть еврейской интеллигенціи.

Уже много писалось на тему объ этой интеллигенціи, но еще больше будетъ написано о ней, когда евреи получатъ, наконецъ, столь желанное имъ равноправіе. Если еврей рабочий, мелкій торговецъ, ремесленникъ, комиссіонеръ иногда вызываетъ къ себѣ чувство брезгливости, то далеко не всегда проявляемое къ нему презрѣніе заслуживаетъ оправданія. Онъ бѣденъ, онъ жалокъ, онъ грязенъ, онъ некрасивъ, онъ стоитъ передъ глазами въ видѣ живого напоминанія объ одномъ изъ самыхъ мучительныхъ историческихъ вопросовъ. Но онъ прежде всего вѣчно голоденъ, у него семья, въ которой не менѣе десяти ртовъ, онъ принужденъ вертѣться въ тѣсномъ кругу дозволенныхъ ему занятій, онъ придавленъ исторически сложившимся предубѣжденіемъ противъ него, предубѣжденіемъ, которое, какъ онъ самъ понимаетъ, встрѣтитъ его одинаково на всемъ земномъ шарѣ, во всѣхъ пяти частяхъ свѣта.

Сколько бы онъ ни доказывалъ, что и онъ можетъ быть и честенъ и правдивъ и что въ его груди бьется живое сердце,—все равно вѣрить ему будутъ только на половину. Постепенно это лишало его охоты что либо доказывать. Онъ, какъ человѣкъ, цѣликомъ ушелъ въ себя, въ свою семью, въ своихъ единовѣрцевъ. Для остальныхъ онъ только бѣдный еврей, которому также хочется существовать.

Но не то еврей-интеллигентъ, все равно кончилъ ли онъ курсъ въ университетѣ или нѣтъ. Если онъ только не простой еврей, а еврей, который одѣвается какъ баринъ, бываетъ въ театрахъ, состоитъ членомъ клубовъ,

можетъ такъ или иначе участвовать въ общей русской жизни, онъ уже не удовлетворяется тѣмъ, чего достигъ, и поэтому прежде всего, конечно, начинаетъ ненавидѣть тѣхъ и то, что является помѣхой въ его замыслахъ. Что же это и кто это? Русское національное чувство, патриотизмъ, законы, правительство, привилегированные круги общества.

У евреевъ есть своя аристократія, но она цѣнится только простымъ еврействомъ. Интеллигентное еврейство понимаетъ, что еврейская аристократія сильна лишь своимъ умѣніемъ скрывать свою силу. Поэтому интеллигентное еврейство не признаетъ никакой аристократіи: ни своей, ни русской. Еврей-интеллигентъ всегда и непремѣнно демократъ. Онъ можетъ рассчитывать только на себя, и поэтому только въ разрушеніи самаго представленія о различіи общественныхъ слоевъ онъ видитъ свое будущее.

Онъ настойчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самолюбивъ. Его настойчивость иногда ведетъ и къ успѣху, но чаще только растравляетъ самолюбіе. Онъ, поэтому, обыкновенно неуравновѣшенъ, легко приходитъ въ негодованіе и, конечно, не онъ упуститъ случай отомстить. Всегда насторожившись живетъ онъ между русскими и всегда онъ ихъ непримиримый врагъ, если только слово «врагъ» способно достаточно выразить ту [степень ненависти къ русскимъ, до которой доходитъ его ненависть.

Оговоримся: это собственно не ненависть къ отдѣльнымъ русскимъ людямъ, съ которыми судьба сталкиваетъ еврей-интеллигента. Отдѣльныхъ русскихъ онъ въ большинствѣ случаевъ только презираетъ, считая вообще русскій народъ тупымъ, глупымъ, бездарнымъ. Нѣкоторыхъ, быть можетъ, даже любитъ. Онъ ненавидитъ Россію, русскій двуглавый орелъ, славу и могущество Россіи, ея значеніе среди европейскихъ державъ. Россія, какъ государство, представляется ему тѣмъ колоссальнымъ мхнатнымъ звѣремъ, который раздавилъ его своей пятой и не съѣдаетъ только потому, что брезгаетъ. Обозленный и

всподумній, онъ видитъ въ Россіи, какъ государствѣ, первоначную той сажаемой раны, которая нанесена ему въ первый день рожденія и которая сочлась и будетъ сочтаться кровью до послѣдней его минуты. Она сочлась кровью и тогда, когда въ гимназій ему кричали «жидъ», и тогда, когда онъ не попалъ въ процентъ и два года не могъ зачислиться въ число студентовъ, и тогда, когда его не хотѣли принять въ помощники присяжнаго повѣреннаго, и тогда, когда родители русской дѣвушки, которую онъ намѣтилъ себѣ въ жены, встрѣтили удивленіемъ его предложеніе. Эта рана никогда не заживаетъ. Онъ женился на дочери лодзинскаго или бахмутскаго коммерсанта, взялъ въ приданое золоченые стулья, бывшіе всегда его мечтой, устроилъ приемную или врачебный кабинетъ, или открылъ инженерное бюро, онъ уже имѣетъ знакомыхъ въ числѣ настоящихъ русскихъ и даже почтительно раскланивается съ самымъ вице-губернаторомъ, или, быть можетъ, и сенаторомъ, но кровь продолжаетъ сочтаться изъ раны и заставляетъ болѣзненно трепетать всю нервную систему, только лишь явится мысль о Россіи, о Русскомъ государствѣ, о его двуглавомъ орлѣ....

Это онъ, раненый въ день рожденія въ самое сердце, возликовалъ великимъ, страстнымъ ликоваціемъ, когда, къ полному своему удивленію, сталъ узнавать о побѣдахъ японцевъ. Онъ писалъ о нихъ въ газетахъ, онъ кричалъ о нихъ въ клубахъ, онъ пронизывалъ надъ Россіей гдѣ могъ и какъ могъ, сначала осторожно, трусливо оглядываясь во все стороны, а по мѣрѣ хода событій все смѣлѣе и наглѣе, доходя временами до самаго жестокаго издѣвательства. Еще бы! Наконецъ-то онъ видитъ свою мечту осуществленной. Это не дни Шанки и Плевны и взятія Карса, когда надо было, сжѣвля сердце, идти въ цѣпяхъ собственной ненависти за подъемомъ русскаго національнаго чувства, и когда надо было кричать «ура», хотя сердце обливалось кровью. Это были ужасные дни Ляояна, Мукдена, Цусимы, когда сами обстоятельства